АВГУСТ

1914

УКРАДЕННАЯ ПОБЕДА 14-ГО ГОДА

ГДЕ ПРЕДАЛИ РУССКУЮ АРМИЮ?

ВИКТОР УСТИНОВ

Август 1914. Все о Первой мировой

Виктор Устинов

Украденная победа 14-го года. Где предали русскую армию?

«Алисторус»

2014

УДК 94(47)
ББК 66.3(2)

Устинов В. И.

Украденная победа 14-го года. Где предали русскую армию? / В. И. Устинов — «Алисторус», 2014 — (Август 1914. Все о Первой мировой)

ISBN 978-5-4438-0917-5

Россия была в шаге от победы в Первой мировой войне, но ее предали.«Россия выполнила свой союзнический долг. Ее наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдержать этот натиск, а затем перейти в наступление. И весь мир услышал о легендарном Брусиловском прорыве). Однако эта победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы.»Такой была Первая Мировая война для нашей страны по мнению президента Владимира Путина. С ним полностью согласен известный военный историк, генерал-лейтенант Виктор Устинов. Впервые в российской историографии он детально анализирует «внутреннее предательство» на всех эшелонах, от фронтовых окопов до Ставки.

УДК 94(47)
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-4438-0917-5

© Устинов В. И., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие 6
Глава I 11
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Виктор Устинов
Украденная победа 14-го года. Где предали русскую армию?

Предисловие
Контуры великой трагедии

Правление Николая II было последним из плеяды династии Романовых, правивших в России более 300 лет. Историки и ученые не перестают исследовать причины гибели этой династии в стране, где иностранцев всегда удивляло терпение и выдержка народа русского от притеснений власти предержащей. Несмотря ни на какой гнет, русский человек оставался верен данной ему от бога власти и безропотно сносил все ее прегрешения. Трехвековое величие династии Романовых опиралось на могучий фундамент русского народа и его лучших представителей в лице русской знати, осуществлявших руководство всеми структурами царской власти в России. При Петре Великом в число этих управленцев русской империей было привлечено немалое число немцев, которых царь ценил больше как работников, знавших хорошо свое ремесло, неизвестное раньше в России. Число этих немцев при Петре II, являвшимся фанатичным поклонником прусского короля Фридриха Великого, неизмеримо возросло, и они постепенно прибирали бразды правления в России в свои руки. При Екатерине Великой их влияние на внутреннюю и внешнюю политику было ослаблено князем Г. Потемкиным, вернувшим к управлению империей русскую знать, лучшим представителем которой был он сам. Но при последующих правлениях, особенно при Александре II, их роль в структурах царской власти снова стала определяющей, и они сумели в короткий исторический период всю политическую и экономическую жизнь России поставить в зависимость от политики и экономики Пруссии, а затем и Германской империи. Александра II больше заботила судьба немцев, чем судьба своего народа, и русские люди справедливо отмечали, что в их императоре «совершенно отсутствовала национальная и народная струна»[1], Россия, при этом императоре, обретала черты большой колониальной провинции Германской империи, из которой ее начал выводить император Александр III, больше всех из русских царей ценивший силу и независимость. Он сумел за годы своего правления перенацелить политику России на равноправный союз с Францией, а премьер Столыпин, вслед за ним, связал прочными узами и экономику обеих стран. Прусско-немецкое сообщество в России выжидало подходящего момента, чтобы восстановить свое влияние в России, и когда на престол вступил Николай II, то для них сложились благоприятные исторические условия для этого. Еще будучи наследником престола, Николай избрал себе в кумиры двоюродного брата, принца Германской империи Вильгельма, взошедшего на германский престол под именем Вильгельма II в 1888 году, и обладавшего необыкновенным честолюбием и самоуверенностью, качеств, которых так не доставало самому Николаю.

Это поклонение старшему брату оставалось неизменным в поведении и чувствах Николая даже после восхождении его на русский престол в 1894 году, и Вильгельм II сполна использовал эту доверчивость в своих корыстных целях. По совету германского императора, после Ходынской катастрофы царь Николай II назначил министром императорского двора барона В. Б. Фредерикса, имевшего прочные связи в Пруссии, и это назначение определило и направление новой политики России, в которой приоритет отдавался расширению связей с Герма-

[1] Константин Рыжов. Все монархи мира. Россия. М.,2001, с. 63–64.

нией в ущерб франко-российскому сотрудничеству и постепенному его свертыванию. Вслед за бароном Фредериксом к управлению Россией пришли Плеве, Ламздорф, Бенкендорф, Гессен и тысячи других прусско-балтийских дворянских семей, причислявших себя к старинному тевтонскому ордену, чьи помыслы были направлены на расширение границ Пруссии за счет западных земель России.

Окружив Николая II своими сторонниками, Вильгельм II подтолкнул его заняться проблемами Китая и Кореи, и Россия без всякого на то повода вмешалась в подавление Ихэтуаньского восстания китайского народа, послав туда войска во главе с генералом Линевичем. Вильгельм II сумел внушить русскому императору, что борьба с «желтой опасностью», исходящей из Японии и Китая, принесет славу России и спасет Европу и ее «христианскую культуру от вторжения монголов и буддизма»[2]. Перенацелив политику царского двора и военную силу на Дальний Восток, кайзеровская Германия, готовившаяся к большой войне по переделу границ и рынков на европейском континенте, устраняла с европейской политической сцены Россию, оставляя ей роль беспомощного посредника в международных делах. Устремившись осваивать Маньчжурию, царская власть обрекла на полный застой свои среднеазиатские губернии и губернии Дальнего Востока, откуда можно было быстрее и эффективнее получить экономическую выгоду и дать развитие своим отсталым регионам. Овладение Кореей не могло дать России никаких выгод. Корея имела 12 млн. населения, и весь ее товарооборот составлял 5,2 млн. рублей. Там не было никаких путей сообщения, кроме дорог для вьючного транспорта[3]. Так возник конфликт между Россией и Японией, который в конце привел к русско-японской войне, в которой русская армия не одержала ни одной победы.

Командовать русскими войсками в войне с Японией были назначены бароны генералы Ф. Г. Мейендорф, Н. В. Каульбарс, А. А. Бильдерлинг, Г. К. Штакельберг, О. К. Гриппенберг П. К. Реннекампф и др. – выходцы из Курляндии и Лифляндии, не желавшие победы русского оружия в войне. Проиграв все сражения с японской армией они, по возвращению в Санкт-Петербург, царем Николаем II были повышены в звании и должностях, и все они были награждены золотым оружием, украшенным бриллиантами и надписью «За храбрость». Ушли от наказания даже те, кто открыто изменил русскому оружию – генералы Стессель Фок, Рейс и другие. Эти же генералы руководили подготовкой русской армии к Первой мировой войне, и они ничего не сделали для повышения готовности армии к войне.

Поражение в русско-японской войне и, как следствие, разразившаяся вслед этому позору первая русская революция до основания потрясла все основы царского режима, и только появление П. Столыпина во главе правительства способствовало успокоению умов и примирению всех классов в России. Но его показательное убийство на глазах русской знати в Киеве было предупреждением всем, кто противился засилью немцев в органах царской власти в России, и оно стало началом безраздельного господства немецкого элемента во властных структурах страны. Со смертью П. Столыпина Россия неумолимо приближалась к втягиванию ее в войну в качестве раздора между странами Антанты и кайзеровской Германией, проводившей усиленную милитаризацию страны и открыто готовившейся к переделу границ в Европе. Отношение Германии к России накануне Первой мировой войны было открыто враждебным, но царским правительством велась вероломная политика, не желавшая замечать реалий и продолжавшая убеждать население в дружелюбных чувствах русского народа к немцам. В обществе запрещалось обсуждать немецкую проблему в любой плоскости, если в ней была хоть какая-нибудь критика немцев. Абсурдность цензуры была доведена до такой степени, что в самой армии, в ее высших и средних учебных заведениях и в войсках запрещалось изучать военную организацию и возможности германской армии, о ней было принято говорить только в восторженных

[2] Центрархив. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг.,М.,1923, с.9.

[3] Блиох И. С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях, т. VI. СПб, 1898, с.360.

тонах. Если бы какой-либо офицер рискнул накануне войны объяснить своим подчиненным, что наш главный враг – немец, и что он собирается напасть на нас и нужно быть готовым отразить его вторжение, то этот командир был бы немедленно выгнан со службы или предан суду. Немец внутренний и внешний был в России всесилен, и «он занимал высшие государственные посты, был persona gratissima при дворе»[4]. Стоило школьному учителю проповедовать своим питомцам любовь к славянам и ненависть к немцам – он был бы сочтен опасным панславистом, революционером, террористом и сослан в Туруханский край или Нарымский край[5]. В такой обстановке участвовать русской армии в войне с кайзеровской Германией было просто невозможно, и нам приходится только удивляться терпению русского народа, вынесшего на своих плечах все ужасы первой мировой воны.

Кайзеровской Германии и ее воинственным кругам нужен был повод для развязывания войны и этот повод дал царь Николай II, объявивший 31 августа 1914 года мобилизацию, необходимость которой не вызывалась сложившимися обстоятельствами – угрозы нападения на Россию на тот исторический момент не существовало. Найдя объявленную мобилизацию в русской армии вполне достаточным поводом для начала боевых действий, Германия 1 августа объявила России войну, а ее армия по заранее разработанному плану напала на Францию. Правящие круги кайзеровской Германии не смутило даже то обстоятельство, что повод для войны ими был найден на востоке, а войну они развязали на западе.

Непоправимый вред армии России нанес генерал В. А. Сухомлинов, возглавлявший военное министерство с 1909 по 1916 годы. Этот фанатичный поклонник германского влияния был в числе тех, кто подталкивал Николая II к развязыванию войны с Германией и Австро-Венгрией, кто размахивал военной палицей на виду у людей и втайне подрывал могущество русской армии, нанося ей одно за другим разящие поражения. Это он уговорил царя разрушить крепости Привисленского края, являвшиеся опорой обороны царства Польского и перенести центр военных усилий против Австро-Венгрии, в то время как главным врагом считалась кайзеровская Германия; это Сухомлинов перенес рубеж стратегического развертывания русской армии вглубь страны, и это при Сухомлинове был практически прекращен выпуск всех вооружений, и армия вступала в войну с немцами и австро-венграми без современных вооружений и боеприпасов.

План подготовки России к войне с Германией и Австро-Венгрией был известен германскому командованию, и в нем военным министром России генералом В.А Сухомлиновым изначально было заложено поражение русских армий при их наступлении в Восточную Пруссию. Начальник Генерального штаба Франции генерал Ж. Жоффр, ознакомившись с этим планом, настойчиво просил министра отказаться от такого решения: «Это самое невыгодное для нас направление. Это ловушка!» – убеждал он. Но все было напрасно. Потеряв в этом наступлении две своих самых лучших армии, Россия, даже одержав победу в Галицийском сражении, терпела одно поражение за другим, как в силу измены и предательства в генеральских рядах, так и в нежелании царского правительства переводить экономику страны на военные рельсы. Это, пожалуй, был первый пример в истории военного искусства, когда армия, вовлеченная в войну своим правительством, отказалось ее поддерживать и снабжать вооружением и продовольствием.

Еще больший вред вооруженным силам России нанес коммерсант А. Э. Сердюков, возглавлявший военное министерство в течение пяти лет (2007–2012 гг.) Вместе с начальником Генерального штаба генералом армии Н.Е Макаровым он подверг разгрому все структуры вооруженных сил бывшего Советского Союза, проверенных испытаниями войны и послевоенными годами, и камня на камне не оставил ничего от того, что составляло их силу и было

[4] Керенский А. Ф.Россия на историческом повороте. М.,1993, с. 69–70.

[5] Брусилов А. А.Воспоминания. М.,1983, с.70.

предметом гордости всех россиян. Разгрому подверглись Генеральный штаб и управления всех видов Вооруженных сил страны, сохранившие за собой лишь названия, но утратившие свое влияние на развитие вверенных им войск. В сухопутных войсках были ликвидированы дивизии и полки, а вместо них было сформировано несколько десятков бригад, каждая из которых по своей боевой мощи уступает мотострелковому полку Советской Армии. Военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны были разогнаны и сведены в базы, никак не подходящие к нашему территориальному устройству. Все делалось так, как будто к нам спустились пришельцы, и они заново создавали в России новую армию: без боевых знамен, без традиций, без крепкого тыла и технической службы, без мобилизационной составляющей, без военной науки и образования. Все высшие и средние военно-учебные заведения страны были сведены в десять системных вузов, оторванных друг от друга на тысячи километров, а чтобы они «окрепли», министр в течение двух лет эти системные вузы никем не пополнял, и если бы он не был снят, образованный офицерский корпус в России через несколько лет мог бы и выродиться. Созданный Сердюковым под своим учредительством печально известный «оборонсервис» возглавлялся отрядом воровитых амазонок, баснословно нажившихся на хищениях и мошенничествах. Что более всего поразительно во всей этой неприглядной истории, так это то, что, в действиях военного министра Сердюкова и начальника генерального штаба Макарова по «реформированию армии» президент Медведев Д. А. нашел проявление мужества и присвоил им обоим высокое звание Героя России.

«Реформа в армии» была проверена в августе 2008 года, когда в Южную Осетию вторглась бригада Грузии, и Сердюков, не знавший, что в этих случаях делать, скрывался, а в генеральном штабе в первые часы вторжения не нашлось специалистов, способных руководить начавшимися военными действиями на юге России. Конечно, сравнивать боевую мощь грузинской бригады с армией России, принудившей, как выразился Д. А. Медведев, Грузию к миру, нам негоже, но не высветил ли этот случай неспособность России вести большую войну и ее отсталость в радиоэлектронике и в системе управления войсками?

Назначение видного государственного деятеля, генерала армии С. К. Шойгу на должность военного министра вселяет надежду, что вредительские ошибки коммерсанта Сердюкова будут устранены, но на их полное устранение нужны годы и годы и большая поддержка нового правительства.

Вторым злом, сломавшим хребет царской власти в России, была страшная коррупция и воровство, разросшиеся в царствование Николая II до таких масштабов, что не только простой народ, но и буржуазия не могли дальше существовать и тем более развиваться, не покончив с этим злом. Царская власть смирилась с этим явлением и только П. Столыпин, хорошо знавший истоки коррупции и мошенничества в стране, уговорил царя создать в правительственном сенате Верховный уголовный суд для рассмотрения преступлений, совершенных государственными чиновниками. Последовавшие затем десятки судов над бывшими министрами, товарищами министра и губернаторами, осужденными за взятки и казнокрадство, с конфискацией неправедно нажитого имущества, мгновенно изменили отношение государственных вельмож к своей работе и народ не мог не почувствовать это, ответим единством своих помыслов с властями. Но с гибелью Столыпина коррупция, словно вознаграждая себя за остановку, расцвела еще большим цветом. Она даже шагнула на еще одну ступень. Стало продаваться все: должности министров и руководителей департаментов, судейские мантии и прокурорские погоны, генеральские чины и всякие другие государственные должности – их можно было купить за деньги. Во власть устремились те, кого и близко нельзя было подпускать к ней. Во многих министерствах, и прежде всего в МВД и министерстве юстиции образовывались группы чиновников, сколоченные в банды, которые вызволяли попавших на казнокрадстве госчиновников и бизнесменов из объятий Фемиды и за вознаграждение освобождали их от наказания. Проч-

ное здание царской власти, веками укрепляемое самодержавием, от такого беззакония стало крениться набок, и никто не желал принять участия в укреплении его фундамента.

В постсоветской «демократической» России во время правления Б. Н. Ельцина коррупция и взяточничество в высших эшелонах власти снова возродилось и, словно соревнуясь в ее масштабах с худшими представителями буржуазии и мещан царского режима, наши «новые русские», позабыв ближнюю историю, идут тем же гибельным путем, каким вошло в историю чиновничество Николая II. Страну губит как коррупция, так и великое мошенничество, расплодившееся во всех органах власти. Появился целый класс посредников – паразитов в сырьевом секторе, в промышленности и сельском хозяйстве, тесно связанных со всеми структурами государственной власти, которые, ничего не производя, живут на перепродаже всего, что произведено тяжелым трудом всех россиян, обесценивая труд рабочего, крестьянина и интеллигента. И эти паразиты-посредники, баснословно наживаясь на перепродаже человеческого труда, пошли во власть, приобретая ее за деньги. Как и во время правления Николая II, она снова стала продаваться.

Совсем ведь недавно жило общество, зародившееся при Сталине, в котором государственные мужи заботились не о личном богатстве, а о богатстве всего народа, с приумножением которого Советская Россия занимала второе место в мире по уровню промышленного производства, по количеству капиталов на душу человека и первое место в мире по развитию культуры и образования. Лучшие страницы истории России и величия ее государственных деятелей в советский период будут в веках изучаться и переосмысливаться для повторения и подражания. Сейчас Россия вошла в число развивающихся стран и по многим показателям плетется в хвосте мирового развития, но наши государственные мужи, опустившие ее в разряд слабых стран, по-прежнему причисляют себя к руководителям великой державы и не хотят считаться с реальностью.

Для завоевания государства с помощью войны нужна большая армия и длительная вооруженная борьба, которая не всегда заканчивается победой развязавшего ее, но то же государство можно завоевать без войны, если в состав его верховной власти проникнет иноземный и чуждый национальным интересам элемент, который, воспользовавшись слабостью центральной власти, может успешно проводить политику в интересах другой, более сильной страны.

Русскую армию в Первой мировой войне погубил именно этот чуждый элемент, прижившийся и обогатившийся на русской земле и в час грозных испытаний изменивший национальным интересам России.

Русские и немцы веками живут в близком соседстве в Европе и, как два великих озера, питают друг друга как вешними, так и подземными водами, из которых они черпают живительную силу и обогащают себя культурными ценностями, взращенных на традициях двух великих народов. Всякое бывало в их далекой и ближней истории. Нередко сильные западные ветры поднимали в немецком озере такие волны, что они перекатывались через польский перешеек, пытаясь поглотить западные русские земли и удержаться в них на долгие времена. Тогда на востоке поднималась такая буря, от которой можно было спастись только в тихой немецкой заводи, куда и откатывалась пришлая вода. Исторические предпосылки к совместному существованию и национальные устремления навеки связали немецкую и русскую нацию, и если один народ сам или с помощью других государств поспособствует гибели другого народа, то недолог будет и его век.

Глава I

Нарастание угрозы войны в Европе. – Подготовка к ней в Германии и Австро-Венгрии. – План Шлиффена. – Политические настроения во Франции. – Противоборство на мировом рынке Англии и Германии. – «Июльские события» и позиция правящих кругов Великобритании. – Убийство Франца Фердинанда – повод к войне. – Нападение Австро-Венгрии на Сербию.

Последние три года, предшествующие Первой мировой войне, были временем постоянного нарастания международной напряженности.

Внешнеполитические отношения ведущих стран Европы в канун войны были так напряжены, что, в каком бы месте земного шара ни произошло нарушение равновесия сил, оно почти автоматически влекло за собой такую цепь ответных мер, проведение которых иногда совершенно неожиданно сказывалось в другом конце мира. Весной 1911 года мир потряс так называемый Агадирский кризис, поставивший Германию «на волосок от войны с Францией»[6]. А началось все с того, что в ответ на оккупацию Францией столицы Марокко, города Феца, Германия неожиданно ввела в марокканский порт Агадир свои военные корабли и потребовала от Франции уступить, в виде компенсации за захват Марокко, свою колонию – так называемое Французское Конго. В эти события вмешалась Англия, опасавшаяся, что Париж пойдет на эту уступку и Германия сможет укрепиться в тех районах, где всегда были сильны позиции англичан. Положение осложнялось тем, что Италия, поддерживаемая Францией, объявила войну Турции, чтобы завладеть североафриканскими провинциями Османской империи – Триполитанией и Киренаики[7]. Россия не имела никаких интересов в Африке и всячески уклонялась от какой-либо поддержки враждующих сторон на африканском континенте, но война итальянцев с турками, длившаяся около года, больно ударила по экономике России, так как проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты для прохода всех судов. Либеральная буржуазия и промышленные круги требовали от царского правительства вмешаться в итало-турецкий конфликт и, пользуясь слабостью Турции, решить вековую проблему проливов в пользу России, отчего зависело устойчивое функционирование всей ее экономики.

В течение 30 лет царское правительство разрабатывало и готовилось к проведению такой небольшой войны: развивало черноморский флот и держало на юге два корпуса для проведения крупной десантно-морской операции[8]. Военный министр В. А. Сухомлинов был активным сторонником такой военной акции и правительству Столыпина, а затем и Коковцова, с трудом удавалось удерживать военных от опасных инициатив в деле разрешения международных споров вокруг Турции военным путем.

Ухудшающиеся отношения с Австро – Венгрией подталкивали правительство России к активизации своей дипломатической активности на Балканах и к образованию там Балканского союза, способного противостоять как Австро-Венгрии, так и Турции. В его создании были заинтересованы и страны Антанты, не желавшие укрепления там германского влияния.

Но государства, вошедшие в Балканский союз, имели свои интересы и они были так противоречивы и разнородны, что развитие событий в этом регионе не только не приблизило Россию к заветной цели по овладению проливами, но, наоборот, отдалило эту перспективу навсегда.

---

[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. XXVII, с.668.

[7] Бондаревский Г. Л. Борьба за Триполитанию и Киренаику на рубеже XIX–XX вв., в сб.: Колониализм вчера и сегодня. М.,1964.

[8] Н. Ф. Шацилло. Россия перед первой мировой войной. М.,1974, с.58

Едва дипломаты успели заключить мир после итало-турецкой войны, как в октябре 1912 года участники Балканского союза Черногория, Сербия, Болгария и Греция напали на Турцию. Началась первая балканская война. Проливы для России вновь оказались закрытыми. Болгарские войска стремительно продвигались к Константинополю, и царское правительство могло согласовать свою политику по овладению проливами с болгарами и сербами, но в тот решающий момент министр иностранных дел С. Д. Сазонов был отстранен от участия в балканских делах, и все руководство политическими событиями взяло на себя прусское окружение царя. Из вечного друга балканских народов Россия в одно мгновение стала его врагом; царский двор готов был даже оказать военную помощь туркам против балканских славян. Чтобы не допустить болгарские войска овладеть проливами, русский посол в Турции получил право в случае необходимости вызвать из Севастополя весь черноморский флот для совместных действий с турками. Австро-Венгерское правительство находилось на грани вмешательства в военные события на Балканах.

Под давлением великих держав в Лондоне 30 мая 1913 года был подписан мирный договор между участниками Балканского союза и Турцией. По этому договору только Стамбул и прилегающая зона проливов по линии Энос-Мидия оставались за Турцией. Вся остальная территория Европейской Турции, за исключением Албании, выделявшейся в самостоятельное государство, отходила к участникам Балканского союза[9]. Больше всех отхватила чужих земель Болгария. Владея почти всей Фракией и Македонией до линии Кочана-Иштиб, она присоединила к своей территории громадную площадь земли, длиной около 400 верст и шириной около 100 верст, с хорошими гаванями на побережье Эгейского моря.

Вторая Балканская война возникла из-за противоречий, зародившихся после окончания первой войны. Стремление поживиться чужими землями было общей чертой всех участников конфликта, но особенно воинственно настроенными были болгары во главе с царем Фердинандом Кобургским, родственником германского кайзера Вильгельма II. Берлин и Вена подтолкнули его к выступлению против своих соседей, и в ночь на 30 июня 1913 года болгарские войска внезапно атаковали сербские и греческие позиции. Но в сражении на реке Брегалнице основные силы болгар были разгромлены сербской армией, которую поддержало ополчение с Черногории.

Развязав войну из-за незначительного куска спорной области, Болгария вышла из 2-й Балканской войны в таком виде, что от прежних успехов не осталось и следа. Она потеряла почти всю Фракию и Македонию, сохранив из прежних завоеваний только пустынные Неврокопские горы. Болгария принуждена была уступить Румынии и плодоносную Добруджу, уложив на полях сражений цвет своего народонаселения[10]. Важным последствием этой войны явилось сближение Болгарии с австро-германским блоком, а Румыния стала отходить от Тройственного союза и сближаться с Антантой.

Приготовления к большой войне в европейских государствах стали заметнее, а в европейской политике особенно нарастал накал противоречий между Великобританией и Германией. Великобритания по всему миру чувствовала мощь немецкого капитала и могучую поступь немецкой промышленности, вторгавшейся в районы исконных английских интересов и влияния.

В Латинской Америке, Африке и Азии германский капитал теснил позиции англичан и французов, завоевывая для себя все новые рынки сбыта за счет качества и удешевления своей промышленной продукции. Гордые и независимые англичане требовали от своего правительства проявления силы и демонстрации могущества там, где ущемлялись их вековые интересы и привилегии. Развернутая в Германии национальная кампания по строительству большого

[9] Дипломатический словарь, т. II. М.,1986, с. 164–165.

[10] Военный сборник № 4. Спб, 1914, с. 91.

военно-морского флота стала вызовом для англичан в той области, где они веками видели себя первыми. Лондон сразу ответил увеличением строительства боевых кораблей для своего флота, но деловые круги Великобритании не простили Берлину саму идею соперничества в морских вооружениях с ними, от состояния которых зависела судьба и процветание английского королевства. Вызов был сделан, и Великобритания приняла его, начав деловито и спокойно готовиться к войне, сохраняя в глубокой тайне все приготовления к ней.

В свою очередь Германия из двух балканских войн увидела в лице Турции очень важного для себя союзника в борьбе против России и Великобритании, способного защитить интересы Центральных держав на Ближнем Востоке и на Балканах, и закрыть проливы для русских, что подрывало развитие экономики в России.

Германия оказала Турции крупную финансовую помощь и стала перевооружать ее армию современным вооружением. В Константинополь прибыла немецкая военная миссия во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом, которого турецкое правительство назначило командиром первого турецкого корпуса, дислоцированного в столице и вокруг проливов[11]. Турецкая армия и до этого обучалась германскими инструкторами на протяжении ряда десятилетий, но теперь турецкое правительство, стремясь закрепить ориентацию на Берлин, пошло значительно дальше: в районе проливов хозяином становился германский генерал. Это обстоятельство было сразу замечено русской общественностью. Помимо своего решительного протеста, министр иностранных дел Сазонов обратился за помощью к Англии и Франции, однако Англия сочла неудобным ставить вопрос об удалении германского генерала из Константинополя, так как там находился ее собственный адмирал, командовавший турецким флотом, и она не желала поступиться своими позициями ради России. Франция же, по словам одного из ее дипломатов, решила воспользоваться этим случаем, чтобы окончательно «сломать мост» между Петербургом и Берлином[12].

Только угрозы России прибегнуть к ответным мерам, вплоть до расторжения Потсдамского соглашения, изъятия русских ценностей из германских банков и даже денонсация русско-германского торгового договора, заставило Берлин сделать шаг навстречу русским требованиям. К середине декабря было достигнуто соглашение, имевшее целью придать дипломатическому поражению России видимость компромисса, который заключался в том, что германский генерал оставался в Турции в роли главного инспектора турецкой армии и формально отходил от командования войсками, отвечавшими за охрану проливов. Однако существо политики Германии в отношениях с Турцией не менялось. Накануне Первой мировой войны германские военные советники в Турции готовили ее армию и флот к войне с Россией.[13]

Конфликт, который был порожден в Берлине, резко ухудшил отношения России с Германией. Но вину за него кайзер возложил на русских. «Русско-прусские отношения умерли раз и навсегда. Мы стали врагами!», – подвел итог этому конфликту немецкий кайзер Вильгельм II[14].

В то время как Россия показывала всем свою экономическую и военную слабость, Германия на словах и на деле демонстрировала свою силу. Кайзер Германии Вильгельм II был на вершине могущества германской империи, и его честолюбивые планы не знали границ. Его вера в «избранный народ», управлять которым ему довелось, была порождением личного величия и чрезмерного честолюбия, за которое дорого заплатил немецкий народ. С молодых лет, еще будучи принцем, Вильгельм охотнее всего увлекался военной историей и подвигами Фридриха Великого и своего деда Вильгельма I, одержавшего победы над Австрией и Францией, когда будущему императору было шесть и одиннадцать лет. Как и все пруссаки, Вильгельм гор-

---

[11] АН СССР. «Исторические записки», № 59, 1957, с. 116–120.

[12] «Константинополь и проливы по секретным документам министерства иностранных дел», т. I. М.,1925, с.48

[13] А. С. Силин. Германская военная миссия Лимана фон Сандерса в Турцию(декабрь 1913 —июль 1914 г.); «Ученые записки Кишиневского Госуниверситета», 1964, т.72, с.123.

[14] А. Дж. Тэйлор. Борьба за господство в Европе. М.,1958, с.512.

дился прусской армией, и его единственным желанием было стать прусским офицером. История военного искусства было любимым чтением кронпринца, и он успешно выдержал выпускной экзамен в академии генерального штаба, защитив при этом диссертацию, которая была посвящена воображаемой войне Германии с Россией и заканчивалась она разгромом России, потерявшей после этого Царство Польское, Прибалтийский край и выплатившей 5 миллиардов контрибуции[15].

Характер у Вильгельма был властный, повелевающий, упорный и решительный. К нему довольно близко подходил девиз французского короля-абсолютиста: «Государство – это я». Характер суровый, злопамятный, сокрушительный для недругов, и высокомерный, проявлявшийся даже в отношениях с самыми близкими людьми. Он легко добивался послушания своим планам и целям и быстро обращал на свою сторону даже противников своего курса. Вильгельм II искренне и глубоко верил в божественность своего призвания, и в то же время обладал всеми привычками германского буржуа, от кого он перенял скромность и простоту домашних нравов, чуждую русскому барству и расточительству в аристократических кругах России. Человек нервный и крайне самолюбивый, жадный до впечатлений, до их игры и постоянной перемены, любитель природы, воздуха, моря, путешествий и спорта. Нервность была у него очень сильной – император часто не владел ею, и она нередко брала верх над его уравновешенностью и самообладанием.

Будучи кронпринцем, Вильгельм высоко чтил канцлера Бисмарка, беря у него уроки государственной мудрости и дипломатической прозорливости, но, став императором, он не потерпел никакого вмешательства в проводимую им внутреннюю и внешнюю политику и грубо удалил Бисмарка от дел.

Бисмарк был последний государственный деятель в Германии, кто мог удержать императора Вильгельма II от авантюризма в политике с великими державами Европы и тем более «войны против всех», какой в действительности оказалась Первая мировая война для немцев. После такого отношения к великому канцлеру сильные умы в Германии замолчали и их сменили карьеристы, единственной заслугой которых была способность бесстыдно льстить кайзеру, за что они быстро возвышались к престолу и в личные друзья Вильгельма II.

Воинственные заявления кайзера цитировались германскими публицистами, руководителями промышленности и торговли, писателями и преподавателями высших школ и офицерами армии и флота и становились программой их деятельности.

Военные расходы Германии по смете на 1913 год достигли 1850 млн. марок и составляли свыше 50 % ее имперского бюджета[16]. С таким военным напряжением бюджета государство долго жить не могло и все промышленные, финансовые и политические силы Германии подталкивали Вильгельма II к войне. И кайзер отвечал им теми же настроениями. Празднуя столетие освободительной войны 1813 года и выступая в Кенигсберге, Вильгельм II заговорил о всегдашней готовности пруссаков «лечь костьми за благо и величие отечества» и закончил свое выступление фразой уже употребляемой Бисмарком, что «немцы никого на свете не боятся, кроме Бога»[17]. Ему вторил германский канцлер Бетман-Гольвег, пожелавший всем пруссакам, чтобы «всякий, кто способен носить оружие, был солдатом»[18].

Сухопутная армия Германии уже к 1914 году осуществила программу своего усиления, а 31 марта закончила мобилизационную подготовку. Рост военных расходов и увеличение численности сухопутной армии и флота не мог продолжаться бесконечно и в деловых кругах Германии понимали, что если своевременно не использовать эти преимущества, то громад-

[15] «Русские ведомости», № 174 за 30 июля 1914 г.

[16] «Русские ведомости», № 174 за 30 июля 1914 г.

[17] Вестник Европы, № 3. СПб., 1913, с.396.

[18] АН СССР. Исторические записки, № 23. М., 1947, с.223.

ные капиталы, вложенные в развитие вооружений, перестанут приносить доходы, и Германия может столкнуться с кризисом, с каким ее национальная экономика не справится. В правительстве и в прусских руководящих кругах постепенно сложилось и утвердилось мнение, что нужно воспользоваться достигнутыми преимуществами в экономике и военной мощи для завоевания господства на всем европейском континенте.

Овладеть всей Европой Германии мешала Великобритания, но в Берлине существовала крупная группа влиятельных лиц полагавших и уверявших себя и кайзера, что прочные национальные и династические узы, связывающие немцев и британцев, удержат Англию, в случае конфликта немцев с Францией и Россией, в рамках нейтралитета. Отсутствие сильных политических деятелей вокруг Вильгельма II только усиливало это ошибочное мнение, и среди его окружения не нашлось человека, кто по силе своего духа и ума мог сравниться с Бисмарком и предостеречь германского императора от роковых решений.

Политическая и идеологическая подготовка к войне, целью которой ставилось завоевание Европы и мира, велась в Германии и Австро-Венгрии настойчиво и непрерывно, и в ней участвовали лучшие умы германской нации. Германские ученые и публицисты, члены образованного в апреле 1891 году Пангерманского союза, изо дня в день твердили немецкому обывателю в газетах, журналах, брошюрах и в научных трудах, что германский народ имеет биологическое, историческое и нравственное право на владение Европой, Азией и Африкой и что для этого он имеет материальные средства для реализации своего прирожденного права «народа господ» на мировую гегемонию. Фактически термин «всенемец» (или «пангерманец») Alldentscher был заимствован у поэта Арндта, певца национального возрождения того времени. Но если у поэта он означал единение во имя национальной солидарности всех немцев, тогда разъединенных по отдельным германским государствам, для совместной борьбы с французскими угнетателями, то в устах пангерманцев он означал объединение всех немцев Европы и мира во имя превосходства германского народа для завоевания колоний и «жизненного пространства» в самой Европе[19]. Надуманное превосходство германского народа доказывалось необычайными его успехами во всех областях человеческой деятельности и успехи эти объяснялись наличием в крови всех немцев «особых мистических расовых качеств, которые и надлежало держать в особой чистоте»[20].

Избрав центром своей пропаганды среди австрийцев столицу Баварии Мюнхен, недалеко от австрийской границы, пангерманцы основали там издательство под многоговорящим названием «Один» (от северогерманского языческого бога Одина, соответствовавшего южно-германскому Волену), и оттуда забрасывали Австрию своей литературой, распространяя ее на Чехию, Богемию, Румынию, Болгарию и другие страны Европы. К концу XIX века пангерманские союзы были созданы во всей Восточной Европе и Турции, а в России, помимо этих союзов, образованных во всех западных ее губерниях, в столице империи, в царском дворе была создана немецкая партия, ставившая вначале своей целью подчинение политики России интересам германской империи, а после русско-японской войны – отторжения от России Польши, Финляндии и всех ее западных земель. В 1895 году вышла книжка одного автора под названием «Пангерманец. Великогермания и Срединная Европа в 1950 году» – нечто вроде гороскопа Германии через примерно полстолетия. Само слово «Великогермания» в заголовке указывало на содержание книжки. Да, Германия присоединила Австрию, но не только ее одну: она примет в свои объятия всех зарубежных немцев, где бы они ни жили, – в Венгрии, или Трансильвании, в Северной Америке, на Волге, в Прибалтике: все они должны вернуться на «историческую родину».

---

[19] АН СССР. Исторические записки, № 24, 1948, с.209. Статья: Ф. А. Ротштейн. Из истории прусско-германского империализма.

[20] Там же, с. 209–210.

Через школу, печать, церковь, различные формы искусства, многочисленные патриотические общества и кружки немецкому народу прививались шовинистические чувства. Большую роль при этом играли различные организации и союзы, стрелковые и спортивные клубы. Специально подобранными фактами населению внушали, что всем германцам грозит опасность со стороны соседей. Одновременно свое государство изображалось миролюбивым, слабым и беззащитным. Так, германская буржуазия доказывала своему народу, что всем вместе им нужно завоевать «место под солнцем». Один из идеологов прусского милитаризма, граф Альфред фон Шлиффен, бывший начальник германского генерального штаба, изображал Германию слабой и беззащитной, окруженной вооруженными до зубов соседями, готовыми напасть на Германию. Он писал: «В центре ее (Европы – авт.) стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы… существует настойчивое стремление соединить все эти державы для совместного нападения на срединные государства»[21].

Милитаристская пропаганда в Германии проводилась главным образом через Пангерманский союз, в котором в полувоенных организациях число членов достигло 2644 тыс. человек[22]. Среди самых активных членов союза числилось более 20 тыс. крупных промышленников и земельных магнатов, банкиров, торговцев и буржуазных интеллигентов.

Пангерманский союз через своих представителей создавал массовые шовинистические и военные организации и умело руководил ими по всему миру. Особенно большое внимание уделялось военной подготовке молодежи через организации союза «Юнг Дейчланд», который уже в 1912 году объединял в своих рядах до 300 тыс. членов. На цели милитаризации молодежи правительство отпускало крупные суммы; только в 1911 году прусский ландтаг выделил союзу один миллион марок. Все эти организации, входящие в Пангерманский союз, оказывали большое влияние на воспитание у населения милитаристского и шовинистического духа. Через печать они широко пропагандировали воинственные настроения среди населения, восхваляли войну, распространяли огромное количество милитаристской литературы и издавали до 35 наиболее распространенных газет и журналов.

В 1911 году на книжном рынке появилась книга высокопоставленного автора, скрывшегося под псевдонимом Отто Рихард Танненберг, под названием «Великая Германия – труд XX века». Вся книга была проникнута ненавистью к России, к русскому народу и славянству в целом, которому автор объявлял беспощадную войну. «Мир, – писал Танненберг, – дурное слово, мир между немцем и славянином подобен бумажному договору между огнем и водой»[23]. «Великая Германия», по замыслу Танненберга, должна была включать всю Европу и целый ряд немецких империй в Азии, Африке, Океании, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Начать следовало с Европы. Россия изгонялась с берегов Балтийского и Черного морей, и власть русских царей ограничивалась владениями за Волгой. Прибалтика, Польша, Литва, Белоруссия, Украина и Кавказ включались в пределы «Великой Германии». Немецкая Австрия, Чехия, Словения, Далмация и Хорватия включались непосредственно в Пруссию. Остаток Габсбургской монархии вместе с Румынией и всем Балканским полуостровом должны были составить одно государство, находящееся в подчинении Германии. Западные «немецкие» государства – Швейцария, Люксембург, Бельгия, Голландия и Дания со всеми своими колониями также присоединялись к «Великой Германии» под разными видами зависимости. В этом новом германском образовании немцам предоставлялись все политические права и все гражданские свободы, всем другим народам предоставлялись ограниченные права, которые могли быть расширены, если бы они верно служили германским идеям. Слабая и завоеванная Россия «давала

[21] Шлиффен. Канны. М.,1938, с. 368–369.

[22] Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914–1918 г.г. М.,1964, с.37.

[23] АН СССР. Исторические записки, № 23, 1947, с.187.

немцам землю, а Франция – деньги», резюмировал Отто Танненберг результаты победы над Россией и Францией. Англии была уготована роль самостоятельного государства при условии ее нейтралитета и что она признает установленный немцами «новый порядок» в Европе.

В 1912 году вышла из печати еще одна книга известного пангерманского писателя Пауля Рорбаха – «Немецкая идея в мире». Этот автор предлагал «пропитать весь мир» немецкой национальной идеей и немецким духом, которые облегчат физическое завоевание мира. Под тонкой личиной покровителя немецкой культуры скрывался откровенный пропагандист новых территориальных приобретений для немцев. Он утверждал, что Германии жизненно необходимы новые земли, так как ее экономика развивается на очень узком базисе современной европейской Германии, в то время как английская и американская развиваются на внеевропейских континентах. Рорбах привел и теоретическое «обоснование» права Германии на территориальную и духовную экспансию. «Мое поле – весь мир», – гласила надпись на доме ганзейского купца. Весь мир является ныне, писал Рорбах, исторической ареной немецкого народа. Но если ганзейский купец был озабочен подчинением себе мировой торговли, то современные немцы должны вместе с немецкими товарами распространять немецкую национальную идею, которой тесно в любых границах: «ей нужен весь мир»[24].

В это же время вышла еще одна книга, которой было суждено завершить «эпоху» в истории развития и формирования пангерманской завоевательной идеологии и в истории подготовки Первой мировой войны. Автором ее был генерал Бернгарди и называлась она «Германия и ближайшая война».

Бернгарди отстаивал правомерность войны и ее необходимость как постоянного явления человеческого общества, так как иначе, цинично писал он, низшие расы размножались бы подобно тварям и «задавили бы своей массой и капиталом развитие более сильных и здоровых элементов», в результате чего наступил бы общий упадок. «Война и только она одна улучшает человечество с биологической точки зрения, без нее оно бы приняло болезненное развитие, исчезла бы всякая возможность улучшения народов, а вместе с тем и культуры»[25].

В Англии внимательно изучали не только официальную политику германских правящих кругов, где существует сдержанность и тайна замыслов и планов, но и ту, где от этой сдержанности не могут отказаться из-за необходимости готовить общественность и народ к войне. Консервативные английские журналы и газеты по поводу книг Танненберга, Рорбаха и Бернгарди в начале 1913 года писали, что они должны заставить замолчать тех английских политиков, кто противится усилению морской мощи Британии и кто для своего «спасения» избрал путь соглашения с Германией. «Мы были бы сумасшедшими, если бы не приняли к сердцу это предупреждение», – подытожил общее настроение правящих кругов Великобритании правительственный журнал «Fortnightlhy Review».

Для развязывания войны нужно было найти повод и кайзеровские поджигатели войны обратили свой взор для ее инициирования на Балканы, где все еще тлел не притухший пожар двух балканских войн, и на Сербию где острее всего чувствовалась неприязнь австро-венгерского правительства к сербам и куда были направлены исторические интересы и симпатии русского народа. Эта страна оказалась идеальным местом для международной провокации, мимо которой могли спокойно пройти правительства Франции и Великобритании, но не России, где верное политике Берлина прусское окружение русского царя могло извлечь из этой провокации необходимый материал для разжигания военного пожара в Европе. Убийство сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве 28 июля явилось для германских милитаристов поводом для развязывания войны в Европе. Берлин не смущала абсурдность и нелепость идеи взорвать непрочный мир на Востоке, в то

[24] П. Рорбах. Война и германская политика. М.,1915, с. 100–101.

[25] Фридрих фон Бернгарди. Наша будущность. Воззвание к германскому народу. П-Д.,1914, с.56.

время как они сами стремились развязать войну на Западе. Такая нелепость могла произрасти в умах воинственных кругов Германии из твердой уверенности, что высшее политическое и военное руководство России проделает за них всю работу по развязыванию войны между Центральными державами и Антантой, и оно же способно будет удержать русскую армию от активных боевых действий до тех пор, пока германские войска будут расправляться с французской армией. Вся история русско-японской войны, когда царским генералам во главе с Куропаткиным удалось держать русскую армию в бездействии, а потом и привести ее к поражению, придавала им уверенность повторить такое же развитие событий, но теперь на европейском театре войны. Эта вера, эта убежденность кайзера Вильгельма II и его окружения опиралась на могущество немецкой партии в России, распространившей свое влияние на все стороны жизни российской империи, в которой они занимали главенствующее положение. Германский император Вильгельм II считал Николая II неспособным для управления своей великой империи, и он спешил воспользоваться при своей жизни предоставлявшейся возможностью укрепить позиции Германии в Польше и Прибалтике, вплоть до отторжения их от России. И, действительно, в России был царь, но он не был хозяином в своем царстве. Беда в семье, когда в ней нет хозяина. Но государство и общество помогают таким семьям, чтобы они выжили. Но никто не помогает и никогда не будет помогать государству, когда во главе его оказывается слабый или неспособный руководитель. Тогда высшие представители этого государства и народ должны будут перенести внутренние потрясения и внешние удары, пока они не освободятся хоть каким угодно способом от недостойного вождя, после которого в стране обязательно подвергаются ревизии все государственные институты и создаются новые, чтобы на последующем историческом этапе не могли повториться ошибки прошлого.

Пока политики Германии и Австро-Венгрии искали повод для начала войны, их генералы стали убеждать императоров Вильгельма II и Франца Иосифа, что промедление с открытием военных действий равносильно поражению, которое можно избежать только победоносной войной. Кайзеру Вильгельму II Генеральный штаб подготовил справку, что 1914 и 1915 года являются самыми благоприятными для призыва и развертывания большой армии для войны. Это преимущество будет утрачено к 1920 году по естественным демографическим причинам[26].

Стратегическая идея германского плана войны состояла в том, чтобы, воспользовавшись длительными сроками развертывания русской армии быстро разгромить французскую армию за 6–8 недель и заставить капитулировать Францию, после чего немцы намеревались повернуть свои силы на восток для разгрома России.

Победу должен был принести план, разработанный А. Шлиффеном, начальником Генерального штаба Германии в 1891–1905 гг., в основе которого лежали следующие стратегические принципы: победы в войне следует искать во Франции, бросив на запад почти все силы, а на русском фронте была положена идея обороны незначительными силами[27]. Нарушая бельгийский нейтралитет, германская армия должна была главными силами обойти французский левый фланг с севера и, отбросив французскую армию к швейцарской границе, нанести ей сокрушительное поражение; при этом не учитывалось, что в войне на стороне Франции и России может выступить Великобритания. В первом из этих планов, составленном в 1900 году, Шлиффен предусматривал сосредоточение шести германских армий на линии Сен – Вит (к северу от Люксембурга) – Трир – Сарребург – Страсбург и одной армии для обеспечения правого фланга от возможных действий бельгийской армии с севера. Оставление Шлиффеном Пруссии без защиты войск от возможного вторжения русских вызвало недовольство прусских юнкеров, и 1 января 1906 года он получил извещение об отставке. Его преемник на посту начальника Генерального штаба генерал Мольтке оказался более покладистым и для защиты

[26] История великой войны. М.,1915, с.172.

[27] История первой мировой войны 1914–1918, т. I. М.,1975, с.187.

Восточной Пруссии он выделил целую армию, но Шлиффен даже перед смертью повторил свой завет Мольтке: «сосредоточить против Франции все силы, не оставляя против России полевых и резервных войск»[28].

Для переброски крупных масс пехоты и артиллерии из одного района в другой германский генеральный штаб в интересах войны и развития инфраструктуры своей промышленности дал высокий импульс развитию железнодорожной сети в стране, устроив через Германию с востока на запад 11 линий двухколейных железных дорог и 4 линии одноколейных железных дорог и по 3 продольных линий вдоль французской и русской границ. На самой границе они устроили многочисленные станции для высадки войск; на русской границе таких станций было 65, а на французской – до 50[29].

Франции не боялись. Легкая победа над ней в 1870–1871 году создала в прусских и германских правящих кругах устойчивое мнение, переданное молодому поколению, что французская армия не может представлять собой достойную силу, с которой необходимо считаться германской империи. Совершенно было забыто и не бралось в расчет великое прошлое французской нации и слава ее воинских знамен, поверженных во время франко-прусской войны не из-за недостатка доблести и мужества ее граждан, а из-за трагических ошибок правящего класса, часть которых предала свою страну, а другая часть, среди которых находился и император Наполеон III, утратила веру в силу своего народа и Франции. Неприязнь к французам у пруссаков осталась со времен Бисмарка, который завещал: «с Францией мы никогда не будем жить в мире, а с Россией у нас никогда не будет необходимости воевать, если только либеральные глупости или династические промахи не извратят положение»[30].Французы жили под постоянной угрозой новой войны, и это угнетало движущие силы нации, особенно ее молодое поколение, и в передовых кругах французского общества зарождались лидеры, готовые взяться за возрождение национального духа и могущества своего отечества и снять с Франции вечно висящую угрозу войны. Нация, не отвечающая на вызовы времени, обречена на увядание и медленную смерть.

Такие политические деятели, как Пуанкаре и Клемансо, Бриан и Жорес появились на политической сцене Франции как выразители настроения буржуазии и народных масс Франции, жаждавших возрождения былой славы Франции и реванша за поражения от пруссаков. Раймон Пуанкаре был одним из самых ярких представителей умеренных республиканцев, прошедшим многостороннюю практику участия в государственных делах, которая дала ему право стать в 1913 году президентом Франции. Он родился в Лотарингии, в той ее части, что осталась за Францией, в зажиточной интеллигентной семье, в которой чтились предания старины и великих дел империи и республики и где никогда не угасала вера в величие Франции. Французы избрали его президентом, так как он соответствовал взглядам громадного большинства населения о безупречном государственном деятеле, а его программа развития Франции отвечала их настроению и взглядам на будущее развитие страны. В короткое время он поднял авторитет власти на местах и правительственный, очистив пошатнувшиеся либеральные и демократические ценности от демагогии и пустозвонства. В своем первом послании правительству и сенату Пуанкаре уделил много внимания национальному единству и армии: «Мир не декретируется волей одной державы, и изречение, унаследованное нами от древности, никогда еще не было вернее, чем в настоящее время. Народ может быть действительно миролюбивым только при условии всегдашней готовности к войне. Уменьшенная Франция, доступная по своей вине унижениям и придиркам, не была бы уже Франциею. Допустить ослабление нашей страны

[28] Шлиффен. Канны. М.,1938, с. 6–7.

[29] Военный сборник, № 6. П-Д.,1917, с. 126–127.

[30] Бисмарк, т. I. М.,2001, с.314.

среди наций, неустанно развивающих свои военные силы, значило бы совершить преступление против цивилизации»[31].

Заботясь о сохранении мира, французское правительство постоянно укрепляло границу с Германией, превращая города на востоке в крепости. Генерал Сере де Ривьер построил вдоль всей германской границы длинную полосу сильных укреплений между крепостями Верден-Туль и Эпиналь-Бельфор, оставив неукрепленным только небольшой 50-километровый промежуток между Тулем и Эпиналем, проходивший через труднопроходимые пограничные горы Вогезы[32].

Эти построенные французами линии обороны заставили германское командование искать пути их обхода, и в германском генеральном штабе был составлен план вторжения немецких войск во Францию через Бельгию и Люксембург. На этом пути нет естественных препятствий; есть только три отдельных укрепленных пункта – города Льеж, Намюр и Мобеж, против которых немцы хотели выставить заслон или взять их штурмом.

В правительственных кругах Франции и в ее глубинных народных толщах никогда не верили в долгий мир с Германией, и, начиная с 1905 года, общая численность ее вооруженных сил постоянно увеличивалась. Так, если в 1910 году они насчитывали в общем свыше 630 тыс. человек, то к 1913 году их численность достигла 985 тыс. человек. К началу Первой мировой войны французская армия была достаточно полноценной как по численности, так и по своей боеспособности. На август 1914 года в ее составе имелось: армейских корпусов – 21, пехотных и резервных дивизий – 83, кавалерийских дивизий – 10. Численность активной французской армии после мобилизации (на 15 августа 1914 года) выражалась в 3,9 млн. человек[33].

Готовясь к войне, французская армия воспитывалась в духе наступательных действий. Достижение стратегических целей считалось возможным только путем уничтожения противника в наступлении. Официальные руководства по вождению крупных войсковых соединений утверждали, что «военные операции имеют целью уничтожение организованных сил противника»; «только наступление ведет к положительным результатам, беря в свои руки инициативу, создает обстановку, вместо того, чтобы ей подчиняться»; «оборона ведет к верному поражению, ее нужно совершенно отбросить».

Важнейшей чертой доктрины, на которой воспитывалась французская армия того периода, являлось стремление разгадать план противника, с наибольшей точностью определить его силы, и лишь только по выяснению обстановки принимать решение для общего наступления.

Высший военный совет Франции состоял из командиров корпусов и дивизий, кто с началом войны должны были стать командующими армиями, при которых состояли сотрудники, кто должен был возглавить штабы. Руководил этим высшим военным советом начальник Генерального штаба Франции Ж. Жоффр, и он постоянно отрабатывал различные тактические и оперативные задачи, которые могли возникнуть при вторжении германских войск во Францию, с отработкой маневра войск своим ходом и с применением железнодорожных перевозок. Вот эта предусмотрительность французского генерального штаба и стала той вершиной, с которой французские генералы осматривали поля будущих сражений, где они должны были сражаться и принимать решения, от которых зависела судьба страны и каждого француза. В царской России Совет Обороны был местом успокоения для престарелых и не годных для службы генералов, которые ни во что не вникали, и с их мнением тоже никто не считался.

В основу стратегического планирования Франции был положен план за номером 17, который предусматривал переход в наступление силами правого крыла армий в Лотарингии и

[31] Вестник Европы № 3. Спб.,1913, с. 392–393.

[32] Военный сборник № 6. П-Д.,1917, с.127.

[33] Военная мысль, № 2, 1946, с.90.

силами левого крыла против Меца, где, по мнению Генерального Штаба, должны быть сосредоточены основные силы Германии[34].

Однако беспокойство за судьбу Бельгии и неуверенность высшего военного руководства Франции в успехе наступления повергло все довоенные планы на бездействие. Только 2 августа был рассмотрен и утвержден вариант к основному плану, который содержал уточнение: в случае наступления германских войск через Бельгию развивать боевые действия на левом крыле французский армий до р. Маас от Намюра до Живе. Но французское правительство, признавая основательность этих соображений, все-таки думало, что Германия не нарушит нейтралитета Бельгии, который она же сама и гарантировала в 1839 году. Наконец, в Париже считали, что если бы даже германская армия и решилась нарушить гарантированный ею нейтралитет Бельгии, то все же главный удар она должна была, по мнению французского главного штаба, направить через франко-германскую границу, так как с ее стороны было большим риском вести большие силы через страну с враждебным населением. Слабость этих соображений была осознана правительством Франции только за несколько месяцев до начала войны, за которым последовало усиление старых крепостей Лиля и Мобежа на бельгийской границе, но завершить эту работу не удалось, так как началась война, и немцы ринулись на Францию именно через бельгийскую границу, пользуясь хорошо развитой железнодорожной сетью, построенной ими в этом направлении. Были и другие соображения, вплоть до ввода в угрожаемый период французских войск в Бельгию, но взять на себя инициативу войны французы не хотели, к тому же примешивалось и чувство осторожности, вызванное неуверенностью военных в подсчете германской военной мощи. Французы оценивали ее силу на западе в 68 пехотных дивизий, а в действительности она достигала 83,5 дивизий[35]. Участие английской армии в войне держалось в большом секрете, хотя оно и было детально отработано, и они должны были действовать на левом фланге французских армий[36].

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево во Франции было осуждено, но французское правительство за этим событием сумело сразу рассмотреть зловещую его сторону, и, словно предугадывая цепь последующих событий, в Париже стали готовиться к худшему. Президент Франции Пуанкаре вместе с высшими правительственными лицами 20 июля на крейсере прибыл в Кронштадт, где его встречал Николай II в окружении большой свиты, среди которой выделялись генералы прусского происхождения, за вежливостью и улыбками которых скрывалась их ненависть к демократической Франции. Высокого гостя из Франции царь повез в Петергоф, где у входа в Большой дворец их встречали министр императорского двора генерал-адъютант граф В. Б. Фредерикс, обер-гофмаршал двора граф П. К. Бенкендорф, обер-церемониймейстер барон П. П. Корф и личный адъютант германского кайзера генерал-лейтенант Хелиус[37]. От такого избытка прусских выходцев и прусского духа при дворе русского царя представителям французской делегации показалось, что они приехали не в Россию, а в Пруссию – так разительно все отличалось от русских обычаев и русских традиций. Два последующих дня пребывания французского президента в России прошли в Красном Селе, где французам были показаны многочисленные и красочные построения русских войск, собранных для демонстрации силы, которой в действительности нельзя было обнаружить. В честь президента Франции Пуанкаре в Большом Петергофском дворце состоялся парадный обед, где в присутствии дипломатического корпуса Николай II выступил с пространной и воинственно-

[34] В. А. Меликов. Стратегическое развертывание. М.,1939, с. 199–201.

[35] Лиделл Гарт «Правда о войне 1914–1918 гг.». М.,1935, с.45.

[36] Ж. Жоффр. 1914–1915. Подготовка войны и ведение операций. М.,1923, с.9.

[37] «Новое время» № 13764 за 21 июля 1914 г.

стью речью. В адрес Германии, ничем еще не угрожавшей России, царь сделал несколько воинственных высказываний, и всем показалось, что вопрос войны с немцами уже «созрел»[38].

Положение Франции перед угрозой войны оставалось трудным. В России царь Николай II и его окружение заверяло Пуанкаре в верности франко-русскому союзу, в то время как в Петербурге нарастали стачки и забастовки рабочих Путиловского завода и заводов за Московской заставой, спровоцированные офицерами царской охранки, открывшими огонь по рабочим без всяких на то причин, а железнодорожники угрожали остановкой всего железнодорожного транспорта. Работники германского посольства во все дни пребывания французской делегации в Санкт-Петербурге разъезжали по улицам города и открыто призывали рабочих и население столицы к неповиновению властям. Зная истоки этих провокационных выступлений, и кто их инициировал, среди членов французской делегации не было уверенности, что русское правительство, возглавляемое немощным Горемыкиным, способно выполнить свои союзнические обязательства. Но как только в Петербурге 23 июля было получены сообщения из Австрии об ультиматуме Сербии, а германские послы в Англии, Франции и России в тот же день заявили правительствам этих держав, что Германия находит требования Австрии правильными и «отмечает с особой определенностью»[39], что весь этот вопрос подлежит решению исключительно между Австрией и Сербией, без всякого вмешательства со стороны других держав, то в столицах стран Антанты стало ясно, что в Германии и Австро-Венгрии уже принято решение начать войну. Пуанкаре сокращает свой визит в России, но по пути на родину он делает еще один важный политический шаг – посещает Швецию и добивается от шведского правительства заверений в сохранении нейтралитета в назревавшем конфликте на европейском континенте.

Расстановка сил на европейском континенте в конце июля обозначилась, непонятной оставалась позиция Англии даже в тот момент, когда решался вопрос о войне и мире. 1 августа Франция, получив из Германии провокационный запрос – останется ли она нейтральною в случае войны Германии с Россией, сообщила об этом английскому правительству, заявив при этом, что остаться нейтральною она не может и просит, чтобы Англия открыто объявила себя на стороне Франции. Английское правительство немедленно ответило на этот запрос прямым отказом, что оно «не может в настоящее время принять на себя никакого обязательства»[40]. Ответ англичан поверг французов в шок, из которого они быстро вышли, осознав, что война для них неизбежна. Французы считали для себя неприемлемым требование германского правительства, чтобы Франция в виде залога за свой нейтралитет «передала Германии крепости Верден и Туль»[41], с потерей которых утрачивалась всякая способность французской армии и страны к сопротивлению.

Английское правительство уже давно решило участвовать в войне на стороне Франции и России, и вело активную подготовку к ней, но ее министр иностранных дел Грей еще раз принимает на себя роль «миротворца» и считает необходимым созвать конференцию послов четырех держав (Англии, Франции, России и Германии) и предложение об этом было передано 26 июля в Париж, Берлин и Петербург. Целью конференции намечалось предотвращение дальнейшего осложнения кризиса между Австрией и Сербией, но эти государства Лондоном на переговоры послов не приглашались. Соотношение сил на конференции складывалось явно не в пользу Германии, и ее отказ от переговоров уже в силу одного этого обстоятельства был по существу предрешен сразу.

---

[38] А. А. Игнатьев. 50 лет в строю, т. I. М.,1952, с. 602–603.

[39] Военный сборник, № 6. П-Д.,1917, с.142.

[40] Военный сборник, № 6. П-Д.,1917, с. 148–149.

[41] Лиделл Гарт. «Правда о войне 1914–1918 г.г.». М.,1935, с.31.

С 20 июля в Англии начал осуществляться грандиозный королевский смотр британскому флоту, для которого была проведена пробная мобилизация морских сил Англии. После этого небывалого в летописях истории смотра английского флота I, II, и III флоты со вспомогательными силами в конце месяца ушли в море для маневров[42]. Англия готовила свою главную силу – флот – к войне, но в Германии не придали этому событию должного внимания. Одновременно в глубинных районах страны английское правительство готовило экспедиционный корпус для его отправки во Францию. Это было тайной за семью печатями, которую знали всего лишь несколько человек в Лондоне и Париже. Английская армия, предназначенная для операций на западноевропейском театре, имела в своем составе 150 тыс. человек. К 21 августа экспедиционный корпус в составе 4-х пехотных и одной кавалерийской дивизий на транспортных судах прибыли во Францию через Гавр, Руан и Булонь, откуда они сразу были выдвинуты в район Любеж-Ландреси, где вскоре приняли участие в знаменитом Марнском сражении, в котором была похоронена стратегия Германии быстрого разгрома Франции и ее союзника – Англии.

Но Лондон вновь пытается создать иллюзию своего нейтралитета, чтобы поскорее подтолкнуть Берлин к началу боевых действий против Франции и России. И это удалось им осуществить. Кайзер Германии Вильгельм II и его правительство во главе с канцлером Бетман-Гольвегом были убеждены, что в назревавшем конфликте Германии с Францией и Россией Англия сохранит свой нейтралитет в начальный период войны, который немцы считали достаточным для того, чтобы они смогли разгромить французскую армию, и тогда можно было вести переговоры с англичанами в принципиально новой политической обстановке, в которой Берлин мог диктовать свои условия мира.

Принц Пруссии Генрих, родной брат Вильгельма II, в последние дни июля был в Лондоне, где он встречался с королем Великобритании Георгом V, чтобы узнать позицию англичан на случай войны Германии с Францией и Россией. 29 июля в Берлине было получено от него сообщение, в котором он уверил германское правительство в английском нейтралитете. Это был неправильный вывод, пристегнутый к военной обстановке, царящей в Пруссии, и принц подстраивал мнение английского короля к этим обстоятельствам, изменить которые он уже не мог. На самом деле король Георг V устранился от такого обещания, сказав своему двоюродному брату принцу Генриху буквально следующее: «Мы попробуем сделать все, что можем, чтобы не быть вовлеченными в это и останемся нейтральными»[43].

Посол Германии в Англии Лихновский не верил успокоительному сообщению принца Генриха, потому что, в отличие от других стран, в английской столице принято считаться прежде всего с политикой правительства, а не короля, мнение которого имеет важное значение, но не решающее. Английское правительство до конца сохраняло тайну своего участия в войне на стороне Антанты, потому что они знали о планах Германии напасть на Францию через Бельгию, и в Лондоне было решено открыть свои карты только при нарушении нейтралитета этой страны.

1 августа Грей заявил Лихновскому, что Англия ни в коем случае не потерпит нарушения бельгийского нейтралитета, и предупредил германское правительство об ответственности такого шага. Лихновский тогда спросил: может ли рассчитывать Германия на нейтралитет Англии в случае соблюдения бельгийского нейтралитета? Грей наотрез отказался дать такую гарантию. Тогда Лихновский попросил Грея уточнить условия, на которых можно добиться от Англии нейтралитета. Подойдя ближе к послу, Грей ответил ему жесткой и давно усвоенной фразой: «Англия желает сохранить руки свободными»[44].

---

[42] История великой войны, т. II. М., б\г, с. 137–138.

[43] Тарле. «Европа в эпоху империализма». М.,1928, с.271.

[44] Тарле. «Европа в эпоху империализма». М.,1939, с.287.

В назревавшем военном конфликте в Европе главным союзником кайзеровской Германии выступала Австро-Венгерская империя, а судьба ее всецело зависела от личности императора Франца Иосифа, царствование которого продолжалось более 60 лет. Ввиду старости и отхода его от дел в австрийской политике все больше выступал на первый план наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд д'Эсте, ярый клерикал и противник окружения престарелого монарха. Между императором и наследником всем был виден скрытый и глубокий антагонизм. Недобрые чувства к нему возрастали из-за зависти сановников императора Франца Иосифа к его великому государственному уму, быстро и легко разбиравшемуся в вопросах внутренней и внешней политики империи и умевшему всегда находить главное звено в их разрешении.

Франц Фердинанд был отвержен императором, но, обладая сильной волей и тщеславием, он искал и утверждал себя в австрийской политике, которая резко отличалась от взглядов императора и правительства. Ловкие придворные, прибегая к помощи врачей, не раз зачисляли его в покойники, но наследник был полон жизненных сил и энергии. Следовало ожидать, что с его воцарением политика Австро-Венгрии могла войти в противоречие с германской политикой, и Тройственный союз мог бы развалиться. Для этого в глубинах политической жизни венского двора имелись сильные потоки поддержки.

В самой Австрии феодально-клерикальные круги были недовольны усиливающимся влиянием венгров в политике государства и их тесным смыканием с интересами прусских правящих кругов. Старая венская знать, чье прошлое было тесно связано с Францией, и кто веками определял политику немцев от Одера до Рейна, не могли переносить высокомерного и поучающего тона кайзера Вильгельма II, а его опора на прусских юнкеров в политике и экономике империи пугала их своей воинственностью и непредсказуемостью. В этих кругах еще не зажили раны от поражения, нанесенного Пруссией Австрии в 1866 году, за которым последовала утрата ее гегемонии в Германии и влияния на политические события в Европе. Франц Фердинанд, уже в силу своего клерикализма, был близок к этим кругам, и питал откровенную вражду к венграм, ставшим союзниками Пруссии в австро-прусской войне и защищавших германские интересы в послевоенный период[45].

Эрцгерцог поддерживал стремление старой и заслуженной венской знати обрести свое былое величие. Его фамильные корни уходили вглубь этой величавой истории, на которой покоилось могущество Габсбургов. Это политическое настроение было настолько мощным и сильным, что Франц Фердинанд связывал с ним свое будущее. Это был поворотный момент в истории Европы, способный изменить все направление ее жизни в ближайшем будущем, в то время как механизм войны был закручен до отказа, и спокойно раскрутить его назад мог только переворот в политике австрийского государства[46].

Нет сомнения, что больше всех не хотели видеть Франца Фердинанда императором в Будапеште, где правящий класс с восшествием его на престол ожидал крах. Венгрия, благодаря поддержке Берлина, имела решающее влияние в системе дуализма, и феодально-клерикальная партия, на которую опирался наследник престола, выдвигала план преобразования монархии Габсбургов на основе федерализма, или триализма (создание третьего славянского политического центра, наряду с австрийским и венгерским), которое постепенно должно было превратиться в Федерацию[47]. Эрцгерцог был убежденным сторонником ослабления власти венгров в правительстве, но он понимал, что его давление на венгерскую аристократию является одновременным давлением на прусское юнкерство, которое не хотело делать никаких уступок и никому не прощало попыток поколебать их могущество в германской и австро-венгерской

[45] История войны 1866 г. с Германией. Пер. с немецкого, Спб, 1870.

[46] Б. Бюлов. Воспоминания. М-Л.,1934, с. 170–174.

[47] Е. Пристер. Краткая история Австрии. М.,1952, с.480.

империях. Наследник престола явно симпатизировал южным славянам, и он хотел их ввести в состав третьей силы в парламент и правительство, чтобы ослабить влияние венгров в имперской власти и стоявшей за их спиной Германии. За славянской поддержкой могла последовать перенацеленность политики Австро-Венгрии на союз с Россией и Францией, имевшими давние и глубокие корни. Эрцгерцога нельзя было склонить к войне с Россией, он был ее непримиримым противником. Германскому военному атташе Франц Фердинанд сказал, что «война с Россией была бы полной нелепостью, потому что для нее нет никакого основания, и она ничего не может дать»[48].

В своем замке в Конопиште эрцгерцог организовал собственную военную канцелярию, и одновременно скомплектовал «теневой кабинет»[49], который активно влиял на проведение внешней политики Австро-Венгрии. Гибель Франца Фердинанда была задумана в кругах поджигателей войны, а кощунственно она была осуществлена сербами, на которых хотел опереться наследник престола в борьбе за самостоятельность и независимость Австро-Венгрии. Убийство Столыпина в России и Франца Фердинанда в Австро-Венгрии было исполнено по одному сценарию и в интересах поборников войны для приобретения новых рынков и новых территорий. Сербия никак не была заинтересована в убийстве наследника, проявлявшего к сербам самые дружеские чувства. Страна была изнурена двумя Балканскими войнами. Военное столкновение со значительно более сильной австро-венгерской армией даже самому отчаянному сербу представлялось безумием, к тому же с не примиренными болгарами и с ненадежными румынами в тылу было вообще невозможно помышлять о какой-либо войне. Вскоре после свидания с Вильгельмом II эрцгерцог выехал в Боснию, в небольшой городок Сараево, чтобы участвовать там на маневрах австро-венгерской армии, которые были назначены на 28 июня 1914 года. Вена была предупреждена о возможном покушении на Франца Фердинанда членами тайного общества «Черная рука» во главе с руководителем сербских спецслужб полковником Драгутином Дмитриевичем, но власть проявила поразительную беспечность[50].

Начальник управления Боснией и Герцеговиной граф Билински, который должен был обеспечить охрану августейшего визитера, даже не был предупрежден о его визите[51]. Австрийский генерал-губернатор Патиорек не принял никаких мер по охране наследника, но его прямые упущения, повлекшие за собой гибель наследника, были «милостиво»[52] прощены императором Австро-Венгрии Францем Иосифом. Франц Фердинанд и его супруга София фон Гогенберг были убиты в Сараево группой убийц, расставленных по пути следования автомобиля наследника престола, за которыми стояли влиятельные силы, изготовившиеся к войне и искавшие повод ее развязать. Против эрцгерцога было подготовлено сразу несколько покушений во многих частях города Сараево, где должен был побывать Франц Фердинанд, что свидетельствовало о крупной и влиятельной силе, задействованной для совершения данного преступления. Есть данные, свидетельствующие о том, что российская военная разведка и дипломатическая служба, в которой много работало агентов прусской разведки, были не просто осведомлены о готовящемся покушении на Франца Фердинанда, «но и своими действиями подталкивали к его совершению». Основанием для такого вывода являются показания руководителя сербских спецслужб полковника Драгутина Дмитриевича в суде, что «двое русских знали о подготовлявшемся заговоре»[53]

---

[48] Сидней Фрей. Происхождение мировой войны, т. II. М-Л.,1934, с.8.

[49] Н. Н. Непомнящий, А. Ю. Низовский. Сто великих тайна. М.,2005, с.451.

[50] Борис Старков. Охотники за шпионами. Контрразведка российской империи. 1903–1914. М.,2006, с.176.

[51] Ю. А. Писарев. Тайны первой мировой войны. М.,1990, с.33.

[52] Там же, с. 33–34.

[53] Борис Старков. Охотники за шпионами. Контрразведка российской империи. 1903–1914. М.,2006, С. 225–226.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.